

Полтора дня прошло, а Рене так и не вернулась.

Вера уставился в потолок, дыша так, словно вот-вот упадет в обморок.

- ...Бросила меня?

'Бросила?'

Внезапная мысль пронзила его сознание.

Именно эта идея появилась в его замутненном сознании.

Разве это не должно было случиться? Почти полмесяца прошло. Она давно должна была устать заботиться о нем. Несмотря на ее изнеможенное состояние, она продолжала это делать, хотя и сама-то не всегда могла поесть.

Вера засмеялся, когда мысль промелькнула у него в голове, но поперхнулся из за боли в груди, мешающей ему, как следует, дышать.

Теперь ему конец. Едва тлеющие угольки его жизни вот-вот потухнут.

Наконец, его жалкая жизнь подойдет к концу.

Снова улыбка растянулась на губах Веры.

Чертова тварь из трущоб, мясник, 'Дикая Гончая Империи' и раковая опухоль континента, наконец, умрет.

Грешник, собирающийся отправится прямиком в ад, умирает в одиночестве на задворках этих трущоб.

Разве это не прекрасная новость достойная празднования всем континентом?

Вера, смеявшийся от таких мыслей, почувствовал, что его смех резко прекратился.

Это произошло не потому что он этого захотел.

Все из-за человека, образ которого, мелькнул у него в голове.

Уродливая женщина с шрамами, покрывающими каждую частичку ее кожи, одетая в тряпье. Именно она пришла ему на ум.

Он вспомнил женщину, от каждого слова которой у него скручивало живот.

Женщина, которая, казалось, была олицетворением слова 'Благородство', женщина заставившая его сожалеть впервые за всю жизнь, пришла на ум, та странная личность, которая

проявила доброту, даже к кому то вроде него.

Пусть даже в этот момент он и насмехался над ней, Вера знал.

Он был знаком с ней всего ничего, но понимал, что женщина, с которой он общался, не была той, кто бросила бы его доживать последние мгновения в одиночестве.

Скорее всего она не бросала его. Будь она той, кто могла бы это сделать, то ушла бы давным-давно, не было нужды тратить на него столько времени и сил.

Он знал лучше многих насколько ужасен голод.

Так же как и осознавал, насколько сложно бороться с ним на протяжении 15 дней.

Он не мог поверить, что женщина, перенесшая такие трудности, сбежала бы сейчас.

- ...Должно быть она мертва.

Она не послушалась его предостережений и скорее всего умерла от рук падальщиков. Труп, скорее всего, просто валяется где-то в трущобах.

Вера, что уставился в потолок замыленным взглядом, стиснул зубы от нахлынувших эмоций, думая о трупке Рене, лежащем где-то в грязи.

Это были неизвестные эмоции.

Это было чувство, которого он никогда в жизни не испытывал.

Он знал бесчисленное множество подобных эмоций, но просто не мог подобрать слова, чтобы описать это чувство.

Это было похоже как на сожаление, так и на сочувствие. Хотя он ощущал вину, нельзя было сказать, что это лишь она.

Казалось, что это можно было бы выразить как страх, но вместо такого всепоглощающего чувства это было больше похоже на тлеющий уголек поменьше, который слабо разгорался.

Это было чувство благодарности, смешанное с долей вины.

Вера почувствовал, как его тело задрожало от этих эмоций, от которых у него внутри все сжалось.

Это были сложное чувство. Это чувство сжимало его и заставляло чувствовать себя куда более

душно, чем пронзающая боль в груди, от которой он мучался до сих пор.

Сделав усилие двинуться, Вера перевернул свой тело, даже, если он был парализован досих пор.

- Хаа хааа....!

Когда он пошевелил кончиками пальцев, боль распространилась по всему телу. Затем, когда он пошевелил рукой, он почувствовал, как кровь выливается из его внутренностей.

Но он не посмел остановиться.

Все из-за этого головокружительного чувства, от которого его чуть не стошнило, он не мог позволить себе беспокоиться о боли в своем теле.

Он поднял верхнюю часть тела.

- Кхе кхе....!

Кровь полилась из его рта.

Со звуком удара, его тело упало.

Вера поднял голову и посмотрела на полуприкрытую дверь лачуги.

Вытянув руки, он уперся в землю и, дрожа всем телом, начал ползти.

Он скорее всего выглядел так жалко, что ему тошно было даже думать об этом.

Преодолев дверь, он долго полз по грязи, не будучи уверенным, куда он ползет.

Кровь, лившаяся изо рта, начала вытекать и через его ноздри.

Каждый раз, когда он вытягивал руку, чтобы проползти еще чуть-чуть, сокрушительная боль пронзала все его тело.

И даже так, он не мог остановится.

Именно из-за этого странного удушья, сжимающего внутренности.

Вера, словно обезумевший, бесцельно полз, пока не заметил лежащую в грязи, на отшибе трущоб, фигуру.

Вера сразу узнал ее.

Рене, это была она.

Ее покрытая ожогами кожа, выпачканные в грязи белые волосы и потерявшие свет голубые глаза, виднеющиеся из-за приоткрытых век, не позволяли ему не узнать ее.

Все вокруг было мерзкого темного цвета.

Это был цвет смерти. Такого цвета были все, кто погиб в трущобах. Этот темный цвет возникал, когда свернувшаяся кровь и грязь смешивались друг с другом.

Увидев, что она была окружена этим цветом, Вера остановился.

Он долго полз, а потому, когда он, наконец, остановился, его состояние было ужасным.

К смеси эмоций, которые долгое время мучали его, добавилась еще одна.

С этой эмоцией Вера был хорошо знаком.

Это было чувство, которым были окрашены воспоминания о всем его детстве, таким образом он сразу его узнал.

Отчаяние.

Оно захлестнуло его.

Вера не понимал, почему он чувствует себя так.

Но инстинктивно понимал, что это чувство приняло именно форму отчаяния.

Вера, чье лицо было измазано в крови и грязи, смотрел на тело Рене долго время, прежде чем начать медленно ползти в ее направлении.

Ему едва удалось приблизиться к ней.

Вера сумел доползти до Рене из всех последних имеющихся у него сил, а после он взглянул на нее, готовый вот-вот умереть.

Несмотря на то, что ее смерть, должно быть, оказалась мучительной, она имела очень умиротворенное выражение лица.

- ...Ты выглядишь отвратительно.

Эти слова были произнесены вперемешку с прерывистым дыханием.

Он смотрел на ее лицо мгновение и продолжил.

- Разве я не говорил? Я предупреждал, что ты погибнешь.

Он попытался улыбнуться, но не нашел в себе силы приподнять уголки губ.

Его веки, словно налились свинцом. Дыхание же становилось все тяжелее.

Вера почувствовал, что конец действительно близок и посмотрел в лицо Рене.

Она была действительно эгоистичной женщиной.

-Ты заставила меня нарушить клятву без сожалений нести свои грехи и умереть в жалком одиночестве, а теперь спишь с таким умиротворенным лицом.

Я так и не знаю, что за душераздирающее чувство захватило меня, а ты уснула так и не поведав мне о нем.

Его тело потеряло силы. Мысли тонули в небытие, как вата в воде.

Вера смотрел на Рене с полуприкрытыми глазами, и его губы зашевелились произнеся слова.

- ...Знаешь

Хотя Вере казалось забавным, что он говорит с трупом, слова не переставали течь.

- У меня действительно огромный талант. Благодаря ему, обычный нищий стал самым большим злом континента.

Вера схватил ее за руку, погруженную в мутную воду, используя всю силу, которая до этого момента оставалась в его теле.

На его руке была татуировка в виде восьми кривых линий, сплетающихся в круг.

- Стигма, о ней ты говорила, у меня тоже есть такая.

Вера произнес это и усмехнулся. Ему было забавно, что он рассказывает секрет, о котором никому не поведал за всю свою жизнь.

- Бог клятвы. У меня его стигма. Благодаря ей, я могу придать вес своим словам.

Я не знаю почему. Просто в один день она возникла на моей руке.

Стигма известна, как чудо дарованное богами своим самым преданным слугам, а потому Вера задавался вопросом, с чего бы этому чуду быть дарованным ему.

Такие мысли были естественны. Он не верил в богов и не собирался нести другим божью волю.

Потому, Вера использовал стигму ради своей наживы.

- ...Если я сделаю клятву и заплачу соответствующую цену, то получу соразмерную силу.

С этим талантом, этим чудом, половина континента оказалась в его руках.

Вся тьма этого континента простиралась у его ног.

- Существуют и ограничения, конечно. Если я не сдержу клятву, кроме уплаченной цены, полученная сила будет разрывать мою душу.

Был только один раз, когда я не сдержал клятву.

Он отчетливо помнит, что ему пришлось пережить в тот момент.

Это было похоже на то, как будто само его существование разрывалось на куски, боль, от которой по телу пробежал холодный пот, просто при мысли о ней.

Эти мгновения была самыми болезненными в его жизни, и он боялся их больше всего на свете.

Именно таково было наказание от не сдержанной клятвы.

И потому, я поклялся, что никогда больше не предаю свою клятву.

- ...Но из за тебя, я вновь ее не сдержал.

Я поклялся на всю жизнь, что не буду сожалеть и понесу наказание за все совершенные грехи. Из-за тебя я нарушил эту клятву.

После встречи с тобой, из-за твоего света, я начал сожалеть о прожитой мной жизни.

Теперь его душа будет уничтожена. Останется ли от нее лишь ничтожная пылинка? Даже если он не знал, было ясно, что ему будет трудно продолжать существовать.

С этими мыслями, Вера смотрел на Рене и вспоминал прошедшие 15 дней, те которые он провел с ней.

То время, казалось, будет длиться вечно, однако прошло мимолетно.

Если бы ему пришлось выбрать один из самых несчастных моментов в своей жизни, эти моменты были бы на первом месте. Однако, по иронии судьбы, именно этими моментами Вера дорожил больше всего.

Вера наслаждался мыслями, проносящимися в его голове, пока он смотрел на Рене настолько затуманенным взором, что ничего толком не мог различить.

Медленно, непроизвольно шевеля губами, он заговорил.

- ...Я жил для себя, сколько себя помню. Однако...

Это не пустые слова. Эти незнакомые чувства заставили меня произнести их.

Я хотел сказать их ей, той кто заставила чувство сожаления прорасти во мне.

- Если бы была следующая жизнь, если моя душа не рассеется...

Из за тебя я изменился.

- ...В таком случае, я бы прожил ее ради тебя.

Когда я с тобой, я чувствую, что мог бы прожить жизнь без сожалений.

Рядом с тобой даже такое злобное существо, как я, осмелилось бы прожить то, что можно назвать жизнью.

Сказав это, Вера последний раз в жизни использовал стигму.

- Да, было бы славно. У меня не осталось чего-либо, но...

Я использую то , что осталось от моей души для произнесения этой клятвы.

Стигма вспыхнула золотым цветом.

Теперь, я могу принести эту клятву стигме.

Вера, как всегда, выгравировал эту клятву при помощи золотого клейма.

- Если мне будет позволено прожить еще одну жизнь...

Я проживу ее ради тебя.

Я поставлю тебя на самое почетное место и буду жить рядом с тобой, посвятив свою жизнь твоей защите.

Я выграввирую эту клятву в своей душе.

Клятва была произнесена и его тело содрогнулось. Вера ощутил жжение в своей душе.

Это было чувство, бесконечно близкое к чистой абстракции, но очень знакомое Вере, который использовал эту стигму на протяжении всей своей жизни.

Только убедившись, что стигма активирована, Вера медленно закрыл свои глаза.

В этот миг он подумал, что наконец умрет.

Тик-так

Но в его ушах раздалось тикание часов.

<http://tl.rulate.ru/book/72277/3516195>